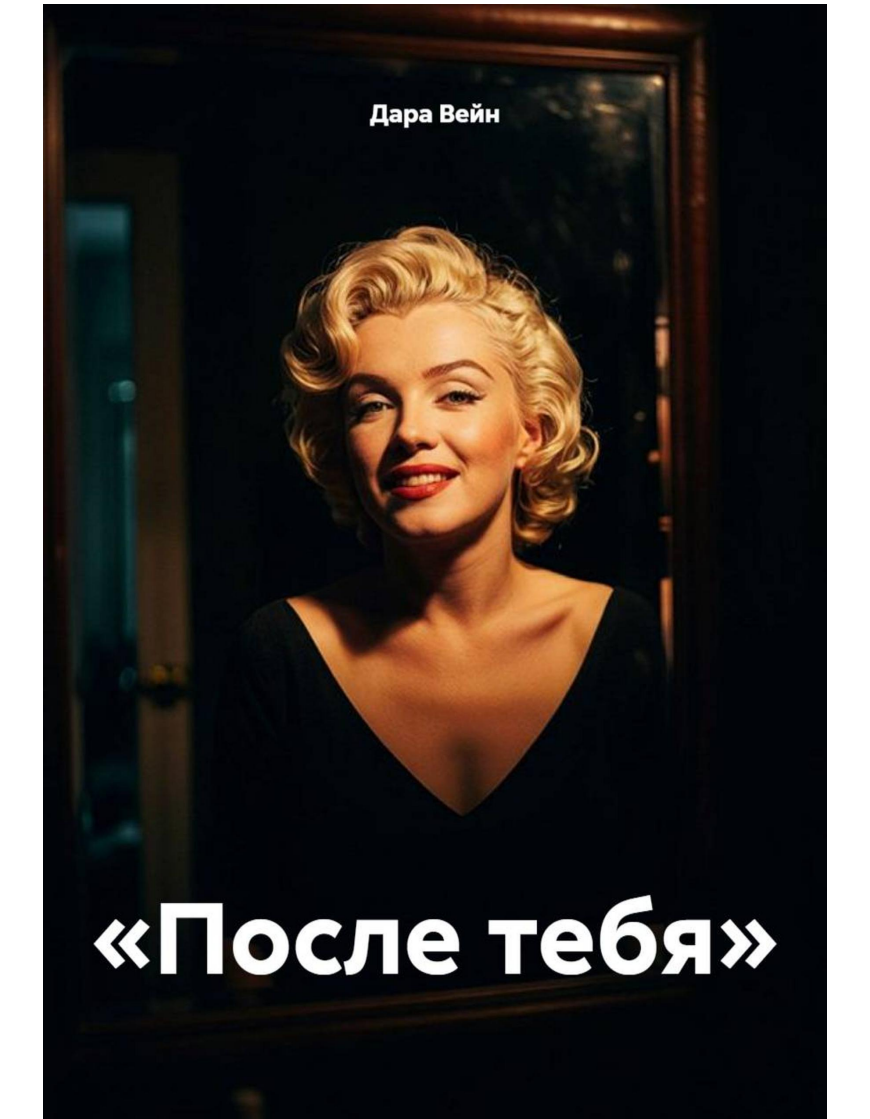

Дара Вейн

«После тебя»

Дара Вейн «После тебя»

<https://litres.ru/74487392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман от первого лица — голос Мэрилин Монро. Не биография, а попытка услышать женщину за образом.

Двенадцать приёмных семей. Брак в шестнадцать — чтобы не вернуться в приют. Улыбка, которую она репетировала перед зеркалом. Три мужа — Ди Маджо, Миллер, Кеннеди. И всегда — камера, которая видела тело, но не видела женщину, которая хотела одного: быть кем-то. Не Мэрилин. Кем-то.

От Холлигроува до Brentвуда. От голоса матери до тишины 4 августа 1962 года. И после — те, кто остался: Джо с розами каждое воскресенье, Ли Страсберг с тетрадями, Артур Миллер, который год не мог написать ни слова.

Книга не о смерти. О том, как она жила — и как те, кто любил, учились жить после.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Голос	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
НОРМА ДЖИН	7
Глава 2. Холлигроув	10
Глава 3. Брак в шестнадцать	12
Глава 4. Завод и фотограф	14
Глава 5. Новое имя	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дара Вейн

«После тебя»

ПАМЯТЬ

Роман

Дара Вейн

"Я не хочу быть богатой, я хочу быть счастливой."

— *Мэрилин Монро*

ПРОЛОГ

Голос

Голос — это первое, что помнит тело. Не лицо, не руки, не свет. Голос. Мать говорила со мной до того, как я родилась, — я знаю это, потому что никто больше не говорил. Она говорила тихо, почти шёпотом, как будто боялась, что кто-то услышит. Может быть, боялась, что это я услышу.

Меня зовут Норма Джин Мортенсен. Мэрилин Монро — это потом. Много позже. Когда я стала другой. Или когда все решили, что я другая. Я не уверена, что была другой. Я уверена, что была той же девочкой, которая слушала голос матери в тёмной комнате и думала: если я буду очень тихой, может быть, она не уйдёт.

Она уходила. Каждый раз.

Но голос оставался. Он оставался в стенах, в шторах, в складках одеяла, в запахе полотенец. Я собирала его по кусочкам — как собирают осколки разбитой чашки, надеясь склеить. Голос был тёплый. Голос был испуганный. Голос говорил: «Ты моё сокровище, Норма Джин. Ты моё единственное сокровище.» А потом дверь закрывалась, и голос исчезал, и я оставалась одна в комнате, которая пахла чужими людьми.

Это книга о голосе. Моём голосе — том, который никто не слышал. Тот, который вы слышали, был голос Мэрилин. Мэрилин говорила высоким, тонким, детским тембром, и все думали, что это и есть я. Но за ним был другой голос — низкий, хриплый, усталый. Голос Нормы Джин. Той, которая слушала мать в тёмной комнате. Той, которая никому не показывала своё лицо без улыбки.

Я научилась улыбаться в пять лет. Это было спасение. Улыбка — стена, за которой можно спрятаться. Улыбка — маска, которую надеваешь утром и снимаешь ночью, и лицо под ней — твоё, только твоё, и никто не имеет права его видеть.

Я репетировала улыбку перед зеркалом. Угол губ — пятнадцать градусов вверх. Глаза чуть прикрыты, как будто я знаю секрет, который не расскажу. Подбородок чуть вперёд — как будто я иду к тебе, хотя стою на месте. Пятнадцать градусов. Я измеряла. Я хотела, чтобы улыбка была идеальной, потому что если она идеальна — никто не заглянет дальше. Никто не спросит: а что за ней?

За ней был голос. Тот, который слушал мать. Тот, который считал дни без неё. Тот, который шептал ночью: «Когда-нибудь кто-то останется. Кто-нибудь не уйдёт.»

Никто не остался.

Но об этом — позже.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОРМА ДЖИН

Глава 1. Дом Болендеров

Первый дом, который я помню, — это дом Болендеров. Ида и Уэйн. Приёмная семья. Девять детей в одном доме, и я — десятая. Мне было два года, когда меня туда отдали. Мать — Глэдис — приходила раз в неделю, иногда раз в две. Она приносила подарки и улыбалась, и я думала, что она — кто-то очень важный и очень занятой, потому что важные и занятые люди не могут быть рядом долго.

Ида Болендер была строгая. Она верила в дисциплину и в Бога, примерно в равных пропорциях. Она мыла полы каждое утро, варила овсянку, которая пахла клеем, и говорила: «Дети, которые не молятся, не едят.» Я молилась. Я молилась так, будто от этого зависела моя жизнь, — потому что, может быть, зависела.

Уэйн Болендер молчал. Он сидел в кресле у окна и смотрел на улицу, и мне казалось, что он видит что-то, чего не вижу я. Позже я поняла: он видел то же, что и все. Просто не хотел смотреть на нас.

Мне было семь, когда Глэдис приехала и сказала: «Пой-

дём. Ты будешь жить со мной.» Она стояла в дверях в синем платье и красной помаде, и Ида Болендер смотрела на неё так, будто хотела сказать «нет», но не могла. Потому что Глэдис была матерью. А мать — это слово, которое значит «право», даже если мать сумасшедшая.

Глэдис была сумасшедшая.

Я не знала этого тогда. Я знала только, что она красивая — темноволосая, с красными губами, как актриса. Она работала в киномонтажной студии — нарезала плёнку, склеивала кадры. Дома у неё были фотографии на стенах: Кларк Гейбл, Джин Харлоу, Кэрол Ломбард. Она показывала мне их и говорила: «Вот это — звезда, Норма Джин. А это — тоже звезда. Все они — звёзды.» Я смотрела на их лица и думала: а я — звезда? Мать не говорила «да». Она не говорила «нет». Она просто смотрела сквозь меня, как будто я была плёнкой, которую она ещё не смонтировала.

Потом она начала кричать. Ночью. Днём. Иногда — на меня, чаще — на стены. Она кричала, что за ней следят. Что люди в чёрном стоят у окна. Что президент связывается с ней через радио. Я пряталась под одеяло и слушала, как слушала в доме Болендеров, когда Ида молилась: тихо, не дыша, сжимая руки так, что пальцы белели.

Однажды Глэдис заплакала и сказала: «Я не могу. Я не могу быть матерью. Я не умею.» Она сказала это спокойно, как будто говорила о погоде. Потом она ушла на кухню и не вернулась. Я нашла её на полу. Она смотрела в потолок

и улыбалась — как Кларк Гейбл на фотографии, только без зубов.

Меня забрали. Снова.

Глава 2. Холлигроув

Сиротский дом Холлигроув — это не дом. Это здание. Кирпичное, серое, с высокими окнами, в которые никогда не заглядывает солнце. Мне было девять. Я стояла у входа с чемоданом, в котором было три платья, два pairs носков и фотография Кларка Гейбла, которую я украла у матери. Кларк смотрел на меня с фотографии и улыбался — не так, как я, а проще. Как человек, которому нечего скрывать.

В Холлигроуве было сорок девочек. Все — без матерей. Все — без отцов. Все — с чемоданами, в которых было что-то украденное: фотография, платок, пуговица. Вещь, которая пахла домом, которого больше не было.

Мы спали в большой комнате, в два ряда кроватей. Утром — подъём в шесть. Вечером — отбой в восемь. Между — еда, школа, работа. Я мыла полы, как Ида Болендер учила. Я молилась, как Ида Болендер учила. Я улыбалась — как никто не учил. Это было моё.

Однажды пришёл мужчина. Он был в сером костюме, с портфелем, и говорил с директрисой тихо, наклонившись. Потом он подошёл ко мне и сказал: «Норма Джин, у тебя есть работа?» Я сказала: «Нет, сэр.» Он сказал: «Завтра будешь работать на заводе Radioplane. Будешь собирать парашюты.» Мне было пятнадцать. Я кивнула. Что ещё делать, когда тебе пятнадцать и у тебя нет матери, нет отца, нет до-

ма, и единственное, что есть, — улыбка, которую никто не видит в сиротском доме?

На заводе было шумно. Руки пахли порохом и металлом. Я собирала парашюты и думала: каждый парашют — это чья-то жизнь. Если я ошибусь — кто-то упадёт. Я не ошибалась. Я вообще никогда не ошибалась в том, что делала руками. Я ошибалась только в людях.

Однажды на завод пришёл фотограф. Дэвид Коновер. Он был из армии, в форме, с камерой. Он ходил между рядами женщин и снимал. Когда он подошёл ко мне, я не улыбалась — я сосредоточилась на парашюте. Он сказал: «Посмотри сюда.» Я посмотрела. Он сказал: «Улыбнись.» Я улыбнулась — пятнадцать градусов, глаза чуть прикрыты. Он щёлкнул затвором и сказал: «Вот это — кадр.»

Через неделю фотографии были в журнале. Через месяц — я была на обложке. Через два месяца — я ушла с завода. Мне сказали: «У тебя лицо, Норма Джин. Лицо, которое камера любит.» Я не поняла, что это значит. Я думала: камера — это просто стекло. Как окно. Как зеркало. Но зеркало показывает то, что есть. А камера — то, что хочешь показать.

Я хотела показать улыбку. Только улыбку. Всё остальное — спрятать.

Глава 3. Брак в шестнадцать

Мне было шестнадцать, когда Глэдис снова появилась. Не сама — через людей. Сказали: «Твоя мать в больнице. Она не выйдет.» Я спросила: «Надолго?» Они сказали: «Навсегда.» Я кивнула. Я уже знала, что «навсегда» — это не страшно. Страшно — «ненадолго». «Ненадолго» значит, что придёт и уйдёт. «Навсегда» — значит, не придёт, и ты можешь перестать ждать.

Но ждать всё равно не перестала.

В шестнадцать меня должны были отправить обратно в Холлигроув или в новый приёмный дом. Соседка — Грейс Маккей — сказала: «Норма Джин, тебе нужно выйти замуж. Тогда тебя не отправят.» Она показала мне Джима Догерти. Ему было двадцать. Он работал на фабрике. У него была машина. Он смотрел на меня так, как будто я была не девочка, а что-то, что нужно защитить. Я не знала, что такое — быть защищённой. Я знала, что такое — быть одной. Разница казалась огромной.

Мы поженились в июне 1942 года. Я wore белое платье, которое мне одолжила Грейс. Джим wore костюм, который был ему велик. Священник сказал: «Вы муж и жена.» Я подумала: значит, меня не отправят. Значит, у меня есть дом. Не Холлигроув. Не Болендеры. Дом.

Джим был добрый. Он не бил. Не кричал. Не уходил. Он

приходил с работы, ужинал, читал газету, ложился спать. Иногда трогал мою руку. Я не чувствовала ничего. Не потому что он был плохой — он был хороший. А потому что я не знала, что чувствовать. Я знала, как улыбаться. Как мыть полы. Как собирать парашюты. Чувствовать — не умела.

Через год Джим ушёл на флот. Я осталась в доме, который был нашим, но в котором не было «нас». Я мыла полы, варила овсянку, молилась — как Ида Болендер учила. А потом пришёл фотограф. Снова. Снова Дэвид Коновер. Или — другой. Их было много. Они приходили, щёлкали, уходили. А я оставалась одна в доме, который был моим, но не был домом.

Потому что дом — это не стены. Дом — это кто-то, кто возвращается.

Глава 4. Завод и фотограф

Фотографии привели к агенту. Агент привёл к студии. Студия — к контракту. Контракт — к новому имени.

«Норма Джин Мортенсен» — слишком длинное, — сказал Эммисон Браун, агент. — «Норма Джин Бейкер» — лучше, но всё равно не то. Нам нужно что-то короткое. Что-то, что запоминается. Как скрипка. Как звонок.»

Я предложила «Мэрилин». Это имя матери Грейс — женщины, которая заботилась обо мне после Болендеров. «Мэрилин» — мягкое, круглое, как мыльный пузырь. «Монро» — от матери. Глэдис. Глэдис Монро.

«Мэрилин Монро,» — сказал Браун. — «Звучит как музыка. Звучит как кино.»

Я подписала контракт. Двадцатьюанский контракт с Twentieth Century Fox. Семьдесят пять долларов в неделю. Я была счастлива — не потому что деньги, а потому что впервые кто-то платил мне за то, что я была. Не за парашюты. Не за полы. За то, что я — я.

Джим вернулся с флота и узнал, что я ушла. Не от него — от дома. Он сказал: «Ты изменилась, Норма Джин.» Я сказала: «Меня зовут Мэрилин.» Он посмотрел на меня так, как будто я ударила его. Может быть, я ударила. Я не хотела. Но я не могла быть Норма Джин для него и Мэрилин для студии. Я не могла быть двумя. Я выбрала ту, у которой было имя.

Он подписал бумаги. Ушёл. Не вернулся. Я не плакала. Я не умела плакать — я умела улыбаться.

Глава 5. Новое имя

Студия научила меня всему. Как ходить — маленькими шагами, покачивая бёдрами, как будто ты всегда идёшь к кому-то. Как говорить — высоким, тонким голосом, как будто ты всегда удивлена. Как смотреть в камеру — прямо, не мигая, как будто камера — это мужчина, которого ты хочешь, но не можешь получить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.